

**„Въ день Воскресенія не подобаетъ
оставлять Христа одинокимъ“**

(Предпасхальное слово)

Архієпископъ Антоній (Медвѣдевъ; + 2000 г.)

Статья переиздана царской орфографіей для официальной страницы

Свято-Николаевского и Свято-Георгиевского Храмовъ

Кубанскаго Казачьяго Войска за Рубежомъ

www.stnicholasredbank.com

отъ страницы Официальной Страницы Русской Православной Церкви за

Границей www.russianorthodoxchurch.ws

Издательство Преп. Сергія Радонежскаго
При Свято-Николаевскомъ Храмѣ
Красноберегово, Нью-Джерси, США

2009

**„Въ день Воскресенія не подобаеть оставлять Христа одинокимъ“
(Предпасхальное слово)**

Заканчивая Великій постъ, всмотримся въ его конечную цѣль, въ священную, въ свѣтоносную ночь Пасхи. Это ночь, въ которую Церковь украшается въ свои лучшія одежды и поетъ свои вдохновеннѣйшіе пѣсни, встрѣчая воскресшаго Жениха – Христа. Бодрствуютъ христіане православные! Въ древности особенно строго наблюдалось, чтобы никто не спалъ въ эту ночь... Однимъ словомъ, готовимся къ чему-то великому.

И справедливо: если Блаженнѣйшій Митрополитъ Антоній (Храповицкій; + 1936 г.) проникновенно объяснялъ, что каждый праздникъ есть таинство, то праздникъ праздниковъ – Пасха, есть таинство таинствъ, о которомъ я не смѣю и не умѣю любомудрствовать.

Впрочемъ, остановившись надъ глубиною Пасхи, уловимъ хотя-бы ту истину, что въ эту ночь Человѣколюбець къ намъ какъ бы сугобо милостивъ. Множество беззаконій нашихъ, въ иное время столь тягостныхъ для совѣсти, если только она не усыплена, и если сокрушались о нихъ, здѣсь облегчаются однимъ вздохомъ умиленія. Повѣримъ въ это „богатство благи“, о которомъ возглашаетъ божественный Іоаннъ, насладимся „пиромъ вѣры“, на который его златыми устами зоветъ Церковь. Слово Златоуста, на которое я ссылаюсь, такъ совершенно говоритъ о Пасхѣ, что въ свѣтлую ночь никто не замѣняетъ его и не дополняетъ своей проповѣдью. Въ русскихъ храмахъ оно читается неизмѣнно... Впрочемъ, о русскомъ народѣ и вообще извѣстно, что ни одинъ другой народъ такъ не празднуетъ Пасху. За это благодареніе Господу!

Но минуя нашъ дорогой и любезный русскому сердцу пасхальный бытъ, минуя несказанную красоту русскаго пасхальнаго богослуженія, задумаемся о главномъ, о высочайшемъ моментѣ праздника Пасхи. И задумаемся, и смиримся, и признаемъ, что многіе и многіе изъ насъ еще не научились истинно церковному празднованію Пасхи.

Что это за пиръ вѣры, на который зоветъ насъ Златоустъ?

Въ воскресенье, въ которое читается Евангеліе о Блудномъ Сынѣ, когда мы еще готовимся къ Великому посту, церковное толкованіе этой притчи, поясняя, что Блудный это мы, а Отець его – Отець нашъ Небесный, говоритъ: „И тельца упитаннаго его ради (т.е. насъ ради!) закалаеть, Сына Своего Единороднаго Отець, и Плоти Его даетъ причаститися и Крови“ (Синаксарій въ Недѣлю Блуднаго сына). Чудная притча, а исполненіе ея – Пасха.

Только мы вспомнимъ объ Отцѣ нашемъ Небесномъ, только двинемся къ Нему, Онъ отверзаетъ объятія Отца и даетъ намъ причаститися Сына Своего Единороднаго. Если такъ бываетъ при каждомъ обращеніи грѣшника, то пасхальная ночь, какъ бы предѣльно сокращаетъ грань времени между рѣшеніемъ

пойти къ Отцу и объятіями Отчими, въ которыя падають души наши, чтобы насладиться совершенно незаслуженной трапезой Тѣла и Крови Христовыхъ. Вотъ почему Златоустъ все въ томъ же знаменитомъ словѣ говоритъ: „Трапеза исполнена, насладитесь вси, Телець упитанный, никто же да изыдетъ алчай: вси насладитесь пира вѣры...“

Слышите: „вси насладитесь!“

Вотъ почему въ древности именно въ пасхальную ночь причащались всѣ – и старцы, и дѣти, и мужчины, и женщины, и здоровые и больные (послѣднимъ Святыя Тайны носились на домъ). Даже въ вечеръ Великаго четверга, когда и установлено таинство, причащались преимущественно священники, какъ служители алтаря, ибо алтарь есть горница Тайной вечери. А на Пасху причащались всѣ.

Читаемъ въ 66 правилѣ VI Вселенскаго Собора: „Отъ святаго дня Воскресенія Христа Бога нашего до недѣли новыя, во всю седмицу вѣрные должны во святыхъ церквахъ непрестанно упражняться во псалмѣхъ и пѣніяхъ духовныхъ, радуясь и торжествуя во Христѣ, и чтенію божественныхъ писаній внимая и святыми Тайнами наслаждаяся... Ибо такимъ образомъ (читаемъ мы дальше) со Христомъ купно воскреснемъ и вознесемъ“.

Если такъ разсудили отцы даже о цѣлой свѣтлой седмицѣ, какъ намъ не вспомнить объ этомъ въ первый ея и свѣтлѣйшій день.

Вѣдь отъ забвенія наслажденія Святыми Тайнами, увы, многіе перешли къ тому, что стали пренебрегать пасхальной литургіей и, выстоявъ свѣтлую заутреню, которая служить къ ней лишь приуготовленіемъ, уходятъ разговляться.

Но вѣдь не къ розговенамъ же насъ звалъ церковный колоколъ! Не для того были и свѣчи и многократное „Христось воскрес!“

„Да будетъ извѣстно, – говоритъ церковный уставъ о освященныхъ пасхальныхъ яствахъ (мясѣ, куличѣ, яйцахъ, сырной пасхѣ...), – что это не Пасха и не Агнецъ, какъ нѣкоторые говорятъ и понимаютъ, и особенно благоговѣнно вкушаютъ, какъ бы нѣкую святыню, но простое приношеніе, ибо его надо приносить не какъ жертву Богу, а лишь для того, чтобы священникъ молитвою благословилъ сіе начинающимъ послѣ поста вкушать мясо и сыръ (вообще скоромное)... Ибо Пасха и Агнецъ – это Самъ Христось, взявшій на Себя грѣхъ міра, приносимый священникомъ на престолѣ Богу и Отцу въ пречистыхъ Тайнахъ честнаго Тѣла и животворящей Крови. И Тому (Христу) причащающіеся, истинную ядятъ Пасху“.

Объ этомъ поется и въ антифонахъ Великой пятницы: „Не якоже іудее празднуемъ: ибо Пасха наша за ны пожреть бысть Христось“ (антифонъ 15).

Но, скажутъ мнѣ, мы приобщаемся Христу и тогда, когда приобщаемся Святымъ Тайнамъ, на первой или на четвертой недѣлѣ поста, въ Великій четвергъ, Великую субботу и другіе дни...

Воистину такъ, и болѣ того! „Пасха вождельнна, – какъ объ этомъ говоритъ преподобный Феодоръ Студитъ, – есть очищеніе грѣховъ, сокрушеніе и смиреніе сердца, слезы умиленія, чистота совѣсти, устраненіе плотскихъ страстей... Кто сподобится достигнуть въ таковыя дѣла добродѣтелей, тотъ празднуетъ Пасху Господу и совершаетъ свѣтлый и многовождельнный праздникъ, не однажды въ годъ, но во всю свою жизнь“ (преп. Феодоръ Студитъ, поуч. огл.).

Явленіе чаши народу всегда означаетъ воскресеніе, и за каждой полной литургіей священникъ, причастившись, тайно читаетъ пасхальныя пѣсни „Свѣтися, свѣтися, новый Іерусалиме“ и „о, Пасха велія“.

Но почему эти же пѣснопѣнія всѣ въ ту же великую ночь впервые звучатъ явственно? Почему стихъ: „Тѣло Христово пріимите, Источника безсмертнаго вкусите“, который обычно сопровождаетъ причастниковъ къ чашѣ, когда таковыя имѣются, въ пасхальную ночь поется непременно еще до явленія чаши, какъ бы всѣмъ повелѣвая приступить? И какъ можно, имѣя въ иные дни спасительную жажду причащенія, не горѣть этой жаждой богообщенія въ Его день – Христовъ день?

Вотъ и царскія врата отъ пасхальной ночи семь дней не закрываются. Въ Великій четвертокъ, въ дивный вечеръ таинства, ихъ откроютъ для причащенія вѣрныхъ мірянъ, какъ всегда, послѣ Тайной вечери священниковъ. Но на Пасху всѣмъ дано видѣть и самую Тайную вечерю.

„Не сердце ли наше горѣло въ насъ?“ (Лк. 24:31), говорятъ Лука и Клеопа, когда Онъ открылся имъ въ преломленіи хлѣба. Какъ же не загоримся мы, знающіе Кто этотъ Хлѣбъ, и что Онъ воскресъ?!

И семь дней передъ алтаремъ будетъ стоять хлѣбъ-артось въ напоминаніе о хлѣбѣ жизни – Воскресшемъ Христвѣ.

Зачѣмъ пасхальную литургію указано совершать „по рану“? Куда это Церковь насъ торопитъ, вѣрнѣе, куда насъ такъ стремительно влечетъ въ эту спасительную ночь Самъ Христовъ Богъ нашъ?!

„Питіе новое... во Царствіи Моемъ... пію, якоже бо Богъ съ вами, боги (т.е. богами) буду“, – обѣщаетъ Христовъ апостоламъ (канонъ Великаго четверга, пѣснь 4-ая). А въ свѣтлую ночь мы всѣ услышимъ: „Пріидите пиво піемъ новое... Нетлѣнія источникъ“ (второй ирмосъ пасхальнаго канона).

Еще съ вечерни Великой субботы пророческимъ чтеніемъ (Исх. 12:1-11) о поспѣшномъ яденіи прообразовательнаго агнца Моисей подготовилъ насъ къ этой стремительности.

Прекрасенъ русскій обычай начинать пасхальное богослуженіе въ полночь, и не прерывая, совершать вечерю Господню до утра.

Немощные естествомъ, но препоясанные силою свыше, крестообразно сложивъ руки, и съ жезломъ молитвы, всѣ поспѣшимъ къ чашѣ. Сія Пасха есть Господня! (Исх. 12, 11).

Ты говоришь: не смѣю, не подготовлень... – Но ты дерзалъ въ иные дни. А въ эту ночь Господь все прощаетъ. Къ Петру отрешемуся Онъ на разсвѣтъ этого дня черезъ ангела посылаетъ мирносицъ съ благовѣстіемъ (Мк. 16:7).

Скажешь: какъ я буду праздновать, ѣсть и пить? – Но въ этотъ день Церковь не только не спрашиваетъ съ насъ поста, а прямо запрещаетъ его (Ап. пост. пр. 64 и Гангр. соб. 18).

– Буду въ обществѣ, не смогу удержать умъ собраннымъ... – Что же, вспомни, сила и величіе Его отражается въ каждой каплѣ.

Слышалъ я объ одномъ іереѣ Божиѣмъ, который въ пасхальную ночь предложилъ всѣмъ оставшимся у литургіи причаститься, даже не исповѣдывавшимся. Если бы онъ ввелъ это какъ всегдашнее правило, было бы крайне соблазнительно. Но если онъ лишь однажды возревновалъ, и дерзнулъ взять на свою совѣсть неподготовленность паствы, чтобы разбудить ее и показать, что для НЕЯ Господь даровалъ эту святую ночь, я не дерзну поднять на него камень.

Встрѣтилъ я и другого іерея, который хвалился, что отучилъ своихъ прихожанъ причащаться на Пасху. „Вѣдь у насъ, говорятъ, въ Россіи этого не было...“ Что сказать на это?!

Весь Великій постъ есть подготовка къ тому, чтобы на Пасху приступить къ чашѣ. Вотъ за недѣлю до его начала Церковь поетъ: „Возведемъ къ покаянію, и чувства очистимъ, къ нимъ же брань, входъ поста творяще, надеждою благодати сердца извѣствующе... И снѣтся нами Агнецъ Божій во священной и свѣтоносной нощи Воскресенія; насъ ради приведенное заколѣніе, ученикомъ пріобщенное въ вечеръ таинства, и тьму разоряющее невѣдѣнія, свѣтомъ Его Воскресенія“ (Недѣля мясопустная, стихира на стиховнѣ вечера).

Черезъ два дня слышимъ: „Помолимся видѣти образныя здѣ Пасхи совершеніе и истинныя явленіе“ (вторникъ сырн. на стих. веч.).

Еще черезъ недѣлю молимся: „Да достойни будемъ причастія Агнца, за міръ закланнаго волею Сына Божія и духовно празднуемъ изъ мертвыхъ Спасово Воскресеніе“ (вторникъ первой седмицы стих. на стих. веч.).

Проходитъ два дня, снова поемъ: „Желающе божественныя Пасхи причаститися, не отъ Египта, но изъ Сіона грядущія, грѣховный квасъ отымемъ покаяніемъ“ (четвергъ первой седмицы стих. на стих. веч.).

На другой день: „Назнаменаимся Кровію о насъ Веденнаго на смерть волею, и не коснется насъ губитель: и снѣмы Пасху Христову священнѣйшую“ (пятница первой седмицы стих. на стихъ на утрени).

Въ среду четвертой седмицы: „Сподоби причаститися и божественныя Пасхи Твоея“ (стих. на Господи воззвахъ).

Чѣмъ ближе Пасха, тѣмъ неуждержимѣе наше стремленіе: „Радостію потецемъ предварити и страшное и святое Воскресеніе“ (недѣля 4-ая, вечерняя стихира на Господи воззвахъ).

Нельзя, чтобы такая напряженная подготовка завершилась только символическимъ, хотя и вдохновеннымъ празднованіемъ Воскресенія Христова!

Въ этотъ день, „сотворенный Господомъ“, когда благовѣствуется, что „Слово Плоть бысть и вселися въ ны“ (Ин. 1:14), распространимъ сердца наши, вмѣстимъ въ себя и мы Бога Слово въ пречистыхъ тайнахъ Его Тѣла и Крови, чтобы Онъ обиталъ съ нами и въ насъ.

Послушайте: какъ христіанинъ вообще готовится къ причащенію? Молитвой, исповѣдью... А еще? Скажемъ: постомъ, чтеніемъ духовныхъ книгъ, примиреніемъ съ ближними...

А какъ насъ всѣхъ Церковь готовить къ Пасхѣ?

Постомъ... Здѣсь Великая Четырдесятница, и передъ самой Пасхой единственная въ году строго постная суббота, Великая суббота.

Чтеніемъ... Въ посту усиленно перечитывается въ церкви Псалтырь, читаются книги Бытія, Притчей, святого пророка Исаи... Передъ самой свѣтлой заутреней прочитывается вся книга Дѣяній апостольскихъ.

Что касается примиренія съ ближними, то вспомни, какъ въ первенствующей Церкви каждый разъ передъ возношеніемъ святыхъ Даровъ, послѣ словъ „возлюбимъ другъ друга“, вѣрующіе (а всѣ они готовились причащаться) цѣловали другъ друга. Это, какъ объясняетъ Симеонъ Солунскій: „въ знакъ того, что людямъ должно любить другъ друга... что желающій причаститься Его (Христа) долженъ предстать безъ вражды, и что въ будущемъ вѣкѣ всѣ будутъ друзьями“. Впослѣдствіи этотъ обычай цѣлованія долженъ былъ быть уничтоженъ, можетъ быть, потому же, почему былъ уничтоженъ и непремѣнный обычай причащаться за каждой Божественной литургіей или въ каждый праздникъ, потому что тѣ, древніе, были духовнѣе, потому что ослабли мы. Но въ пасхальную ночь, которая есть образъ будущаго вѣка, и мы, всѣ, всѣ приглашаемся къ священной трапезѣ и поемъ: „Простимъ вся Воскресеніемъ“, и даемъ другъ другу тройное лобзаніе мира.

Одинъ іерей рассказывалъ мнѣ, какъ мальчикомъ забѣгалъ онъ въ пасхальное утро въ уже опустѣвшій послѣ торжественнаго богослуженія храмъ. Свѣтло, нарядно, но безмолвно и безлюдно... И мальчику становилось грустно: Христось одинъ!

Братіе! Въ день Воскресенія не подобаетъ оставлять Христа одинокимъ. Всѣ страннопріимемъ Его, Единого, не имѣвшаго гдѣ преклонить главу, въ сердца наши. Всѣ примемъ въ себя Тѣло и Кровь Его.

Аминь.

Архіепископъ Антоній (Медвѣдевъ; + 2000 г.)